

Глава 1

Кто знает, когда бы ее нашли, если бы в тот вечер влюбленной парочке из этого пансионата не вздумалось прогуляться вдоль речки после захода солнца. Они спустились по берегу почти до самой ограды, за которой начинался сосновый бор, и собирались было повернуть обратно, когда девушка заметила, что у противоположного берега в воде что-то белеет. Речушка была шириной не больше пяти метров, и они в конце концов разглядели, что это такое. Девушка говорила потом, что они зачем-то ее окликнули. Что это была «она», они поняли сразу, но в то, что «она» мертва, не могли поверить. Парень остался на берегу сторожить «ее», а девушке велел бежать в пансионат. И удивительно, вспоминала потом Марина, как только эта девушка появилась в ярко освещенном холле — бледная, в запачканных травой белых джинсах, — ей сразу на ум пришла Лена. Почему? Может быть, потому, что и у Лены, когда она вот так же неожиданно появилась вчера в холле, было бледное лицо и растерянный взгляд. И когда полчаса спустя «ее» принесли в пансионат, и Марина протиснулась сквозь набежавшую толпу, «она» действительно оказалась Леной.

Лена, ее сестра, лежала на цементных плитах террасы, под зеленоватым светом фонаря, в мокром черном купальнике, раскинув ноги. Лицо было наполовину прикрыто спутанными рыжими волосами, которые от воды казались темнее.

Все последовавшее Марина помнила, как сквозь сон. Кажется, она назвалась ее сестрой, куда-то пошла с адми-

нистратором. Она сидела в его кабинете на желтом кожаном диване и курила откуда-то взявшиеся сигареты. Потом отвечала на вопросы и долго вспоминала номер домашнего телефона Лены, пока не сообразила, что в квартире никто, кроме нее, не жил и звонить туда было некому и незачем.

На вопрос, который она наконец задала, получила четкий и немедленный ответ: «Да, мертва». Лену она в тот вечер больше не видела — ее увезли в морг, на медицинскую экспертизу. Потом как-то сразу наступила ночь, и она оказалась в своем номере снова сидящей на диване, на этот раз красном. Перед ней на столе горела лампа, но она не помнила, что включала свет. В окне виднелась слабо освещенная лужайка, угол запертого теннисного корта. Дальше, в черной тени соснового леса, терялась речка. Ночь была теплой, не верилось, что август на исходе. Оглушительно трещали сверчки. По той тишине, которая стояла в здании, Марина поняла, что уже глубокая ночь. И еще она поняла, что оба номера по соседству от нее совершенно пусты. В номере справа никто не жил, в другом до сегодняшнего дня жила Лена. Еще сегодня, когда Марина поднялась к себе после ужина, она слышала, как там в стенном шкафу заскрипела дверца и с грохотом упала на дно вешалка. Теперь там стояла тишина. Она посмотрела на часы — половина второго. Все же она решила спуститься вниз, раздобыть сигарет у портье.

В коридоре было пусто, потрескивали под потолком длинные лампы дневного света, горящие через одну. Она прошла через пустую, слабо освещенную гостиную, спустилась по лестнице, не встретив ни одного человека. В холле свет был погашен, лампа горела только в одном углу, где находилась стойка портье. Он поднял голову, вглядываясь в темноту, и, узнав Марину, сочувственно ей кивнул.

— Бар закрыт, но «Мальборо» я вам могу предложить, — сказал он в ответ на ее просьбу. — И если пожелаете, ликер...

Марина расплатилась и, держа бутылку за горлышко, нерешительно посмотрела на него.

— Ужасно, такая молодая девушка, — сочувственно поймал ее взгляд портье. Это был плотный мужчина лет за шестьдесят, вида одновременно хитрого и простоватого. Еще несколько лет назад он обслуживал привилегированных посетителей, которые отдыхали в этом подмосковном пансионате, среди речек и сосновых лесов. — Ведь ей, наверное, еще и тридцати не было?

— Двадцать девять, — машинально поправила его Марина. «И теперь всегда будет двадцать девять, я буду стареть за двоих», — подумала она.

— И семья есть?

— Нет, семьи нет... — так же механически отвечала Марина.

— Что ж, хотя бы детей не оставила... — Портье покачал головой. — Кто бы мог подумать? Такая веселая, такая... Ведь если бы не она, у меня никто бы и ключей от корта не брал. Отдыхающих-то сейчас почти нет, только врачи, а они целый день на семинаре. Только вчера, когда она заселилась, я эти ключи в первый раз и выдал. Утром возьмет, вечером отдаст. А сегодня уже и ужин прошел, темнеет, смотрю — ключей-то нет! Пошел на корт — бьет мячом о стенку, а мяча почти не видно. «Ой, — говорит, — извините, вот ключ, а я пойду окунусь». Я еще сказал ей: вода-то сейчас уже не та, все же август, а она только смеется: окунусь, и ладно! Кто бы знал... — Портье перегнулся через стойку. — Наш врач сказал — видимо, переохлаждение, остановка сердца. Ну кто же сейчас купается? Днем еще туда-сюда. А она уже впотьмах пошла, да еще разгоряченная...

Марина взглянула на него, что-то припомнив.

— Как вы сказали — сразу пошла купаться? В корпус не заходила?

— Да нет же, так и побежала, как была. Отдала мне ключ от корта, мяч, ракетку и побежала.

Марина припомнила — да, верно, со вчерашнего дня Лена все время пропадала на корте. В пансионат возвращалась только на обед, потом принимала душ и снова спускалась вниз — «загар полировать», как, смеясь, говорила

она. Вчера после обеда Лена на часок зашла к ней. Они поболтали, Лена достала привезенную из Москвы бутылку венгерского рислинга. Ей не сиделось на месте, от нее так и полыхало жаром солнца, которым за день пропиталась кожа. Потом Лена сказала, что опять идет «лупить». Хотя играла она отвратительно, но готова была бить мячом о стенку хоть до полуночи. А сегодня даже на ужин не пошла, хотя Марина сходила на корт, позвала ее. Но та едва обернулась. Скакала по синему прорезиненному покрытию на крепких загорелых ногах. Ее медные волосы прилипли к раскрасневшимся щекам, глаза сердито и азартно блестели. Она пучила губы и с отмашкой била по мячу тяжелой, не по руке, ракеткой. Крикнула, что есть не хочет, пусть Марина идет одна. И больше в пансионат не возвращалась.

И тут словно ледяной ветерок дунул вдруг на Марину: она поняла, что в номере сестры после ужина кто-то был! Кто-то отпер соседнюю дверь, ходил там, скрипел дверцей шкафа, гремел вешалками — это она слышала совершенно ясно, между стенными шкафами была деревянная перегородка, а не капитальная стена. И в то же время на корте не умолкал — теперь она это ясно вспомнила — стук мяча. Сразу после ужина она слышала одновременно два звука, которые могла производить только Лена, — шум в ее номере и стук мяча на корте! Но значит, в номере была не она... В течение пятнадцати минут в номере у Лены кто-то был — и этот кто-то очень торопился, потому что Марина, слушая тогда эти звуки, подумала вскользь, что Лена куда-то спешит как на пожар, уж не нашла ли себе кавалера...

Только сейчас она по-настоящему ощутила ужас, связав звуки в номере сестры с картинкой, которая явилась ей этим вечером на террасе под зеленым светом фонаря. Лена, которая плавала как рыба, могла плыть по такой речушке сколько душе угодно, зная, что в любой момент может встать и достать ногами дно... А тот человек, который был у нее в номере, — кто он такой? И где он сейчас? Может быть, в одном из этих полуосвященных длинных кори-

доров, где не встретишь ни души? И она поняла, что не решится отойти от освещенной стойки, вернуться обратно в эти коридоры, пустые гостиные, не сможет без страха войти в свою комнату... «Надо сказать кому-то, что в номере у Лены кто-то был, — мелькнула у нее мысль. — Но кому? Портье? О господи, а ведь я сейчас боюсь даже его...»

— Скажите, существует другой вход в пансионат? — вместо этого спросила она. — Кроме главного?

— Ну конечно, — кивнул портье. — Служебный вход, он открыт весь день. И задняя лестница тоже кончается дверью на лужайку.

— Она открыта?

— Днем открыта, вечером я ее запираю.

— Приблизительно во сколько?

— Заднюю лестницу — сразу после ужина, отдыхающие обычно пользуются ей, чтобы сократить путь к речке или на корт. Ну а после ужина туда, как водится, никто уже не ходит. А служебный вход — в одиннадцать.

— И сегодня вы заперли заднюю лестницу сразу после ужина?

— А почему вы спрашиваете? — встревожился портье.

— Просто мне показалось, что Лена все же возвращалась после ужина в свой номер. А вы говорите, что ее не видели. Значит, она прошла тем путем.

Портье призадумался:

— Вы говорите, что видели свою сестру в корпусе сразу после ужина? Тогда одно из двух: или она прошла через заднюю лестницу как раз тогда, когда я пошел ее запирать, или через главный вход в то время, когда я ее уже запираю. Да, конечно, так мы могли разминуться.

— А служебный вход?

— Он находится сбоку здания, в стороне от корта... Те, кто хочет туда пройти, им обычно не пользуются, — для этого пришлось бы сделать крюк...

— И все же им можно пройти?

— Да, конечно. Но почему вы спрашиваете?

Марина, желая замять разговор, распечатала пачку сигарет. Портье поднес ей зажигалку.

Итак, тот, кто был в номере у Лены, мог пройти в пансионат тремя разными путями. А может быть, он и не выходил из корпуса все это время? Ведь Лену, машущую на корте ракеткой, можно было увидеть из любого окна, выходящего на лужайку, или, даже не видя ее, слышать, как она стучит. И пока мяч стучал о дощатую стенку, можно было не сомневаться в том, что она находится на корте, и оставаться в ее номере сколько угодно. Но для этого надо было иметь ключ...

— А ключи? — вслух спросила Марина и осеклась.

— Ключи? — совсем уже встревожился портье. — Какие ключи?

— Ах нет, я хотела сказать, что она вечно забывала где-то свои ключи...

— Забывала ключи? Не понимаю. Ключ от ее номера нашли в кармане ее шорт, там, где она оставила свою одежду, у самой лесенки. Конечно, это не слишком осторожно, но случаи воровства у нас чрезвычайно редки...

— У лесенки?

— Ну да, у железной лесенки, на берегу, там, где спускаются в речку. Ее ведь нашли много ниже по течению, а одежда лежала прямо напротив корпуса. Одежда, кажется, у администратора. Вам, наверное, нелегко слышать все это? Я думаю, завтра ее номер откроют, и вы заберете ее вещи...

Марина почти не слушала, что он говорил дальше. Итак, сразу после ужина портье, который обнаружил, что ключа от корта ему никто не вернул, вышел через заднюю лестницу на корт и увидел там Лену. Она отдала ему ключ и сразу побежала к воде — «окунуться». Одежду, в том числе и шорты, где был ключ от номера, она оставила на берегу. После чего вошла в воду и... А что было дальше, никто пока не знает, это скажет врач. Переохлаждение, остановка сердца... Нет, нет, нет! Когда ключ лежал на берегу, доступный всем, когда за ним никто уже не следил, когда его мог взять кто угодно и отпереть номер Лены, на корте уже никого не было! А ведь там в это время стучал мяч... Нет, когда отпирали дверь номера, Лена была еще

на корте. Ключ лежал у нее в кармане. И тот, кто отпер дверь, сделал это своим, личным ключом... А если у него был ключ от номера Лены, значит, мог быть ключ и от любого другого номера... В том числе и от ее собственного...

Марина устало прикрыла глаза. Свет лампы бил ей прямо в лицо. Портье сочувственно наблюдал за ней.

— Вы лучше попробуйте поспать немного, — посоветовал он. — Конечно, вам сейчас тяжело. Но завтра у вас будет, кажется, трудный день.

Она кивнула.

— Теперь я, наверное, не останусь здесь до конца семинара, — сказала она. — Я вряд ли смогу что-то воспринимать. Завтра сдам номер.

Она пошла наверх, думая по дороге, что именно она скажет завтра руководительнице семинара, как простится с коллегами, со своими новыми друзьями, как они будут выражать свои соболезнования, говорить, какой веселой и жизнерадостной была ее сестра, как они все успели ее полюбить... «Все это пустые слова, — горько подумала она. — Какой именно была моя сестра, знаю только я, и за все эти годы я так и не смогла ее полюбить...» Потом она подумала о Москве, о Сергее, который сейчас спит сладким сном, не зная о том, что случилось... А ведь это он сказал Лене, приехавшей три дня назад из шоп-тура в Арабские Эмираты, что Марина находится в Подмоскowie, на семинаре по мануальной терапии... Она вспомнила и свою больницу, белый халат, который снова наденет через два дня, главврача, у которого она почти на коленях выпросила путевку на семинар — чтобы не считать это лето погубленным... «Это лето и мою жизнь», — усмехнулась, отпирая дверь своего номера. Она поймала себя на том, что старается ни о чем не думать: ни о ключе, ни о стуке мяча, ни о шорохах в соседнем номере, где сейчас было совсем тихо. Ни о самой Лене.

Она открыла бутылку бананового ликера, который портье продал с ночной наценкой и без всякой скидки на ее несчастье, налила полстакана, разбавила водой из графина и выпила не переводя дыхания. Желудок тут же со-

грелся, и мелкая холодная дрожь, которая била ее изнутри весь вечер, прекратилась. Выпила еще немного и закурила сигарету, глядя в открытое окно, откуда мягко веяло ночной свежестью. Было совсем уже темно, только одно-два пятна света из окон падали на лужайку. Корта почти не было видно, а речки и подавно. Она решила лечь и попытаться уснуть. Но едва закрыла глаза, перед ней снова появилась Лена — высокая, загорелая, в белом холщовом костюме, с дорожной сумкой через плечо — такая, какой она появилась позавчера в холле гостиницы. Марина тогда как раз вышла вместе с остальными врачами из конференц-зала на перекур. Она сразу увидела сестру, испытав что-то вроде легкого потрясения. А Лена, заметив ее, шагнула навстречу, расцветая своей неподражаемой улыбкой.

— Сергей сказал, что ты здесь, — сообщила она после первых восклицаний. — Я и решила махнуть к тебе на несколько дней. Не прогонишь?

Лена смеялась, шурила карие глаза и казалась тогда одновременно довольно произведенным эффектом и все же неуверенной в себе. Марина хорошо знала это выражение ее лица.

— Портье сказал, что свободных номеров полно. Ты в каком? Может, соседями будем?

Марина назвала свой номер.

— Триста двадцать пять, триста двадцать пять... — весело, как считалку, проговорила Лена и кивнула сестре. — Ну, тогда пойду, урву что-то к тебе поближе. Как устроюсь, зайду.

И, подхватив сумку на плечо, она развернулась и пружинистым шагом направилась к портье, который уже сладко улыбался ей навстречу, заранее очарованный ее щедрыми улыбками и бессознательным кокетством, с которым она приближалась к любому мужчине, будь ему даже за девяносто...

Вспомнив все это, Марина со стоном перевернулась на бок и резко села в постели. Включила настольную лампу, набросила на нее платок. Глядя прямо перед собой, продолжала вспоминать.

Лена только что вернулась из Эмиратов. На сей раз она ездила в Дубай за косметикой и парфюмерией. По словам Лены, съездила так себе, в Дубае все подорожало, «скоро придется свертывать этот бизнес». «Визгу много, шерсти мало, — рассказывала она. — Надоело надрываться, Маринка. Ты мне завидуешь, нет, правда же, завидуешь — за красивым товаром гоняю, мир вижу... Какой там мир! Мир — это когда меня в Стамбуле всякая погань за груди щиплет, пока я торгуюсь?! Как лошадь тюки на себе та-скаю, килограммы выкупаю, только и дрожу, как бы первая встречная мразь не обчистила? В Эмиратах раз двадцать была, а в Персидском заливе ни разу не искупалась! Целый день бегай, ищи товар. Найдешь — твое счастье, а нет — соси лапу. Беру тогда все, что попадается, чтобы дорогу окупить. Только и мечтаю о том времени, когда все это кончится. Да вот пока не получается... Но ничего, может быть...» — на этом месте Лена оборвала свой рассказ, натянуто засмеялась и перешла на другую тему.

И вообще она в этот день очень много болтала, предупреждая расспросы, откупаясь от них молниеносными подарками, которыми была набита ее сумка, — помада, дезодорант, брелок для ключей с буквой «М», какой-то туристический проспект — «посмотри, как люди живут», пена для ванны в черном шершавом флаконе, похожем на булыжник... Лена смеялась, расспрашивала про Сергея, про семинар «маньячной психотерапии», как она его окрестила, про то, какой тут корт, какие мужики и как Марина хорошо подстриглась... И постепенно у Марины возникло ощущение, что за болтовней Лена отчаянно пытается скрыть сжигающий ее страх... А страх был во всем — в слишком резких движениях, в напряженно приподнятых плечах, в ее невнимательных вопросах... Она болтала, не слишком следя за смыслом своих слов, и в то же время словно прислушивалась, приглядывалась, словно проверяя, в безопасности ли она... Тогда Марина подумала, что та, наверное, просто перевозбуждена после поездки или разругалась с очередным любовником. Но теперь, когда у нее перед глазами все еще стояла та картина, ко-

тору она увидела на террасе под фонарем, пробившись сквозь толпу, она была уверена, что все это было проявлениями страха. Снова и снова вспоминала лицо сестры, все больше убеждаясь в этом, и, уже засыпая, как будто слышала голос, повторяющий со странным выражением: «Но я выберусь, обязательно выберусь...» Рыжие волосы упали ей на глаза, Лена трясла головой и никак не могла откинуть челку, залепившую лицо, и повторяла какие-то слова, смысл которых Марина не могла понять...

Утром Марина проснулась поздно, с невыносимой головной болью. Она полежала с открытыми глазами, глядя на небо, видневшееся в окне. Погода явно испортилась. «Тем более надо уезжать», — подумала вяло. И тут она услышала шум в соседнем номере. Там ходили, чем-то стучали, разговаривали. Марина вскочила, натянула свитер и юбку и, как была, неумытая и непричесанная, вышла в коридор. Дверь соседнего номера была приоткрыта, виднелся угол красного дивана, такого же, как у нее в номере, на диване были разбросаны какие-то тряпки. Марина постучалась больше для порядка и, не получив ответа, открыла дверь и вошла.

Она сразу узнала администратора. Другого человека она не знала, но смутно догадалась, что он, должно быть, из милиции.

— Почему посторонние? — начал было тот, второй, но администратор негромко заметил на это:

— Ее сестра.

Тот кивнул, и Марине предложили сесть. Но она осталась стоять, не решаясь присесть на заваленный вещами диван.

— Вы — сестра Малаховой? — полуутвердительно спросил ее второй мужчина. После чего представился. — Ваша сестра приехала сюда позавчера, двадцать второго августа? — продолжал он.

Марина подтвердила.

— А с какой целью? — спросил он. — Разве она имела отношение к семинару?

— Нет, Лена хотела отдохнуть...

— Она только что вернулась из Эмиратов? — не унимался тот, и Марина сразу сообразила, что сама рассказала это вчера администратору. Она кивнула, тут же почувствовав головокружение. Только теперь она обратила внимание, что уже далеко за полдень. Ей невыносимо хотелось выпить воды, во рту была похмельная гадость, и ей казалось унижительным стоять перед этим человеком непричесанной и ненакрашенной, отвечать на вопросы.

— Да, она вернулась из шоп-тура, привезла товар... Она ведь этим жила, — ответила Марина. — Говорила, что вымоталась и хочет провести несколько дней на природе. А что?

— Значит, хотела отдохнуть, — так же равнодушно подытожил тот. — Ну а о том, что она устала от жизни, о самоубийстве не говорила?

— Нет, что вы... Надо знать Лену. — Марина почувствовала слабость и присела на край дивана. Только теперь она заметила, что администратор вышел.

— Вскрытие показало смерть в результате остановки сердца после переохлаждения. У вашей сестры была аритмия, вы знали об этом?

— Конечно, — кивнула Марина. — Все об этом знали.

— То, что она отправилась купаться поздно вечером, разгоряченная после целого дня на корте, не подумав о сердце, вам не показалось странным?

— Нет, этот поступок как раз ее характеризует...

— Ну что ж, — заметил тот наконец. — Записки она не оставила, из комнаты, насколько можно судить, ничего ценного не пропало... Как на ваш взгляд?

Марина кивнула. Она давно уже заметила бриллиантовые часики Лены, мирно лежащие на столе, два ее золотых колечка, тоже с бриллиантами, в пустом стакане для воды.

— А этот кавардак? — только и спросила она.

— В номере был беспорядок, но не настолько, чтобы бросаться в глаза. Это уж мы постарались. Значит, все в порядке?

— Если можно так выразиться... — медленно проговорила Марина.